Григорий Заславский

Сегодня Театру на Таганке – 35 лет

СПАСИБО ЗА ТО, ЧТО БЫЛО...

Независимая газ. – 1999 – 23 апр. – с. 8

МАТЕРИАЛЫ, которые публикуются на этой полосе, были переданы в «Независимую газету» бывшим завлитом Театра на Таганке, переживший с театром его самые трудные и одновременно самые счастливые годы, – Эдлой Петровной Левиной.

Она рассказывает о том, как создавалась – рождалась – на ее глазах Таганка (так получилось, что в театр Эдла Левина пришла, как говорится, с университетской скамьи, прежде чем в нем появился Юрий Петрович со своими бывшими студентами), и кажется, что все это было не 35 лет назад, а театральную вечность тому назад. Курс Орочко, приглашение в Щукинское училище Любимова, «Добрый человек из Сезуана», поставленный им на третьем курсе. Брехт, который до того не очень-то получался на русской сцене, хотя незадолго перед тем в Ленинграде поставили «Матушку Кураж» (неудачно), а Львов-Анохин в Москве поставил «Трехгрошовую оперу».

«Добрый человек...» стал событием. На которое – на студенческий спектакль! – в декабре 63-го откликнулся Константин Симонов статьей в «Правде» (статья называлась «Вдохновение юности»), в «Известиях» вышла статья Бориса Бабочкина.

Короче говоря, случилось то, чего ни до, ни после не случалось. Любимов пришел в прозябавший в то время театр с приказом Министерства культуры «реорганизации». Он мог уволить любого человека и принять на работу кого угодно, минуя созданная комиссия – из актеров и режиссеров (в нее не могли входить главные режиссеры, именитые так называемые приглашенные). Любимов пришел в ВГИКа Николая Губенко, который блистательно Министерстве культуры «реорганизацию». Он мог уволить любого человека и принять на работу кого угодно, минуя созданная комиссия – из актеров и режиссеров (в нее не могли входить главные режиссеры, именитые так называемые приглашенные) начала свою двухмесячную работу – принялась отсматривать репертуар.

От старой труппы остались немногие – Федосова, Ронинсон... Любимов привез с собой десять своих студентов, не всех. Алексей Кузнецов, несмотря на желание Любимова, остался в Вахтанговском театре. Демидова пришла, несмотря на настойчивые приглашения Охлопкова, который «заманивал» ее на роль Гамлета. Несколько – с младших курсов. Высоким человеком для театра стал приведенный сюда тогдашним заместителем главного редактора «Советской России» Егором Яковлевым директор Никиай Дупак.

24 января 64-го года Любимова представили труппе, а 23 апреля сыграли премьеру «Доброго человека из Сезуана». На роль Летчика-Аэроплана, который блистательно исполнял Высоцкий, Любимов пригласил Эдлу Левину, поскольку в Щукинском училище, было счастьем.

С того самого дня каждый следующий спектакль (именно каждый, во что поверить сегодня труднее всего) становился событием, оставлял свой отпечаток на моем и общественной жизни. Билетов на Таганку не было в принципе, купить их нельзя было даже «с нагрузкой»...

Что еще? С 65-го года театр стали приглашать за рубеж. На приглашения из Министерства культуры отвечали, что театр выехать не может, поскольку Юрий Любимов болеет. В первый раз Любимова (а с ним вместе и Эдлу Левину) увольняли из театра, когда Жана Вилара позвали на репетицию «Федора Кузьмина»... Но Любимов вернулся. Так получилось, что с первых дней, но особенно после «Павших и живых», около театра, рядом с ним, внутри, принимая участие в заседаниях худсовета, оказалось немало друзей – цвет тогдашней элиты. Таганке помогали (оставались помочь) – в меру своего таланта, сил, возможностей – Вознесенский, Евтушенко, Капица, Каверин и молодые (тогда) работники ЦК Бовин, Черняев, Шахназаров, Арбатов.

За «Павших и живых» боролись полгода. Хотели выпустить спектакль к 20-летию Победы – не дали. (К слову, в этом спектакле на сцене Таганки – за несколько лет до появления Вечного огня – впервые зажгли огонь памяти павших).

На обсуждении Зубков говорил: «Чувства розины не хватает этому спектаклю», а Вознесенский с ним спорил: как же не хватает, говорил он, если эти поэты погибли за эту розину?!

На другом обсуждении этого спектакля умер от разрыва сердца замначальника управления театров Мизо Мизоудата...

Эдла Петровна может бесконечно рассказывать о том, как трудно складывалась судьба того или другого спектакля (простой судьбы не было ни у одного). Как заместитель культуры СССР решал обсудить «Кульман» с работниками сельского хозяйства, например. Показывать стопки бумаг – стенограммы обсуждений, замечания Главного управления культуры города Москвы по спектаклю «Мать», который может стать большим идейно-художественным произведением, но пока не стал... И этот бесконечный рассказ будет бесконечно интересным. Слушая Левину, невольно вспоминаешь, что у одного из поэтов-фронтовиков – тех, чьи стихи впервые зазвучали со сцены Таганки в спектакле Любимова «Павшие и живые», – есть стихотворение, и в нем – слова о том, как «мальчики живы веков, наверно, будут плакать по чаю о времени большевиков» (за точность цитаты, впрочем, не поручусь)...

Мы не увидим *тех* спектаклей, в вечное которых безоговорочно веришь. Но завидуешь не только спектаклям, которых уже нет. В конце концов, слава Богу, Юрий Петрович Любимов живодоров, выпускает другие спектакли, работает так, как, кажется, никто другой из главных режиссеров сегодня не работает, хотя большинство главных в Москве – много младше его. А Любимов выпускает уже третий спектакль. И даже в тех, что кажутся нам неудачными, рука Мастера все равно видна, мастерство – очевидно, мощь, непоколебимое владение «открытой» формой – сомнению не подлежат. Дай Бог ему здоровья и жизни его Таганке!

Для публикации мы отобрали рецензию Юрия Лотмана на пушкинскую инсценировку «Товарищ, верь!» и сценарий праздничного представления «Таганке – 10 лет», среди затейливых и, наоборот, незаметных мостиков – тесто «внутренних», друг другу понятных шуток которого читаются судьбы закрытых спектаклей. ■

На заседании художественного совета идет обсуждение спектакля «Мастер и Маргарита». Выступает Бенжамин Каверин, сидят: Юрий Любимов, завлит Эдла Левина, директор театра Илья Коган, Петр Капица, Константин Симонов...

Юрий Лотман

ДОВЕРИЕ

О рукописи Л.Целиковской и Ю.Любимова «Товарищ, верь...». Поэтическая хроника, составленная из писем, документов, воспоминаний современников»

СЦЕНИЧЕСКОЕ воссоздание образа величайшего русского поэта А.С. Пушкина представляет собой задачу, трудность которой очевидна всякому. Однако потребность попытаться этого рода, видимо, глубока и органична – опыты воспроизведения облика Пушкина не только средствами поэзии, художественной прозы, живописи, но и на сцене и на экране продолжаются с такой настойчивостью, что в них невозможно видеть следствие художественного произвола того или иного мастера. Перед нами – глубоко органичная потребность, вытекающая из самой сущности русской культуры.

Пушкин не только как поэт, создатель тем, мотивов, а и любимых произведений, но и Пушкин – человек, всем своим личным обликом – одна из вершин русской культуры. Стремление понять его во всей сложности его поэтической натуры, богатстве духовных возможностей, во всем трагизме его судьбы следует сказать, что «Хроника» создает глубоко достоверный, исторически точный образ великого поэта, который соответствует представлениям, сложившимся в советской науке в не наиболее авторитетных проявлениях;

2) **Широтой охвата материала**. «Хроника» прослеживает **весь** жизненный путь, создает многогранный образ. При этом, конечно, не следует забывать, что воинтие полноты охвата темы для научной монографии и художественного воспроизведения имеет различный смысл: там, где ученый обязан посвятить специальный раздел, перечислить и проанализировать все аспекты, художник может действовать более экономными средствами – дать штрих, деталь. Применительно к «Хронике» следует, конечно, говорить о художественной полноте, которая неизбежно должна сочетаться с лаконичностью. Глупо было бы, собирая научную литературу, заняться перечислением проблем и фактов, не включенных авторами в «Хронику», – перед нами не иллюстрация к Пушкину, а «Пушкин в учебному курсу, а сценарий спектакля, явление искусства, понятие полноты приемлемо только в котором получает совсем особый смысл. Спектакль не иллюстрирует документы, а на основе их реконструирует живую жизнь, не разгрывает в лицах то, что зритель уже знает о Пушкине, а воссоздает новое – живительное, пронзительно опытное, новый, человеческий облик поэта.

Научность подхода авторов к материалу сочетается с публицистической страстностью. Спектакль создает образ Пушкина – гражданина, друга декабристов, свободолюбивого, глубоко связанного с народом поэта. Идеологический пафос «Хроники» ве-рен, он опирается на факты и достижения советской науки, и построенный на ее основе спектакль, бесспорно, будет иметь большое воспитательное значение.

Следует отметить большой такт, с которым авторы соединяют разнородные материалы: документы, письма, поэзию – в единое, живое сценическое целое.

«Хроника», бесспорно, представляет собой достоверный фактически, идейно и научно правильный материал, на основе которого может быть поставлен новый спектакль о великом русском поэте.

Отмечая достоинство документальности, рецензент позволил бы себе, однако, высказать мысль о допустимости в некоторых случаях и художественного вымысла. Всякий историк знает, что любой корпус документов заведомо неполон – жизнь отражается в письменных источниках лишь частично. И если историческая наука теперь все более внимательно ставит вопрос об историческом эксперименте, реконструкции отсутствующих документов, то тем более место должно иметь условный эстетический эксперимент. Поддержанный точным знанием документов, он не ослабит достоверности образа, а напротив, усилит ее.

В целом рецензент высоко оценивает «Хронику» Л.Целиковской и Ю.Любимова «Товарищ, верь...» и считает, что она, безусловно, может быть рекомендована к постановке.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры русской литературы Тартуского государственного университета.

Тарту
3 апреля 1971 г.

Юрий Лотман – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Тартуского государственного университета.

ПРАЗДНИЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ «ТАГАНКЕ – 10 ЛЕТ»

Фрагменты сценария капустника. 1974 год

Смехов. Дорогие товарищи! Ни для кого не секрет, что, придя в столь поздное время на этот вечер, вы намерены не просто так поесть-попить, а и посмеяться, отвести душу в мечте или сладенькие. Даже вы больше заинтересованы смеяться, чем мы – шутить. Вот мы и не старались, а подошли к серьезному такому 10-летнему, а на старые деньги даже 100-летнему юбилею Таганки.

Все шутки и намеки – за наш счет. Не каждый день даже такой многообещающий и немного опаливавший артист сбрасывает с себя 10 рублей. Поэтому все шутки и намеки, повторюю, за наш счет. Начинаю шутить!

Во-первых, сегодня вопреки любимовской неприязни к застольному периоду впервые объявлено длительное застолье. Так что это добрый знак и к другим обновлениям.

Во-вторых, уже сегодня ясно, что многое подлежит переименованию в честь нас. Шучу по-пушкински.

1. Театр именуется: Любимова Юрь Петровича Команда Артистов – сокр. ЛЮПЕКА, если – Любовлиная Любимова Юрь Петровича и т.д. – тогда ЩЛЮПКА.

2. Новое здание (будущее) именовать по-старорусскому: как Большая Любимовская Эстакада Садового Кольца, сокр. БЛЭСК.

3. Песню русскую «Ты, простой, простой, красавица моя» петь отныне:

«Ты построй, Мосстрой,
Красавицу мою!
Дай мне находиться
В новом ЭМЮ (где МЮ – место любимовцев).

4. Шучу в стихах:

Отвечаем той трусике,
Что шепнула, прячя взор:
«Уж не гений ли он тихий?» –
«Точно, гений – «Тихих зорь».
Отвечаем доботрясам,
Если просчет напрямик:
«Уж не гений ли он часом?» –
«Точно, гений – часом пик».
Людям некоторой спеси
На вопрос даем ответ:
«Уж не гений ли их бесит?» –
«Точно, гений – бесить ает».

5. Сказания об архитектурных совешниях Н.Л. Дупака – составляют какую-то общую назвалем «Тага о фасадах».

6. «Люблю грозу в начале мая» – считать ошибкой, следует читать «Люблю Бенефис в конце апреля».

7. В честь «Пугачева» – строки Есенина читать отныне так: «Таганрога, мы Таганя»

В следующей строке исключить неуверенность, читать: «Потому что я с севера», а в честь дружбы ТЭП. с А.В. Эфросом добавить: «Потому что я с севера. С Толей».

8. Несколько географических преобразований:

а) одну из новых наук, осободительных республик назвать Таганкой, или Тагинкой, или Таганьюй;

б) Влади-восток переименовать во Влади-запад;

в) за новое прочтение «Гамлета» одну из столиц Запада (восхищенного Запада) наименовать – город Нью-Йорик, а для краткости Йьюрик! <...>

г) некий сорт молока за сходство, созвучие и особую устойчивость порой наименовать – Молжевским молоком. <...>

11. Композитора Эдисона Денисова за дружбу и виртуозность, а также в честь итальянских ассоциаций Юр. Любимова назвать Эдисоном Таганини.

12. Загадка Сфинкса – Таганка Сэйфта, ну это просто шутка.

13. Благословенная – читать как Зинославинская, а православная – как «браво, Славиня». <...>

17. Таганские эксперименты в искусстве считать.

Экзаменом Юрия Петровича в Искусстве – или сокр. ЭЮПЕТРИ.

18. Образовать Директорат Управления Актерским Счастьем – сокращенно ДУПАКС.

19. В заключение позвольте попутить без лишней скромности, что песню «Смелого пуля боится» можно петь как «Смехова публика любит».

Вступаю в капустник.

А если сплошаю,
Прости меня, Кульким,
Как в тебе краткость прощаю.
(Музыка, темнота, занавес открыт. Крики: «Горько, горько!»)

Смехов. На Таганке есть обычай: в день рождения выбрасывать со сцены все старые хохмы. *(Выбрасывает Джабраилов.)*

Джабраилов *(на авансцене).* Я здешняя Таганка. Танцую, пою на полмосток. Чем старше мы становилися, тем лучше нам жилось, чем лучше нам жилось, тем хуже нам становилось. А заработок мал. Но, говорит, несколько лишних копеечек – бобы, туфы, тыфы, чтоб не сглазить. А сегодня праздник. А я здешняя Таганка. Не мне 10 лет. Я и шагаю уверенно. Земля непрочна. И взор творца почиет на мне. *(На руках.)* Видите, я шагаю уверенно! *(Встает.)* А он отдыхал главную роль. Конечно, уйти из массовки для такого человека – удар, но он в хорошем настроении, и я люблю его! Сан! Ты еще не чокнулся?

Сан. За что мы выпьем?

Джабраилов. За будущее, Сан!

Сан. Когда на Таганке не будет носить на тройс «можик»!

(«Горько, горько!». Пьют.)

Маша. *(Разнега кх. Аккордон.)* Я в восторге от сценария Сана. Я всегда говорю ему: он может взять любую! Роль, эпизод. Но не возьмет, ибо стулийность превыше всего. И что он мне говорит теперь? Я ужожу из массовки, мама, говорит он мне, студийность – еще не все! Пейте, господа, праздник.

Сан. Пейте, господа, когда я пью, я снова играю.

Межевич. Все мы играем, когда пьем.

(Пьют. Топот ног...)

Золотухин.
Мы сходи шагом, мы мчались
в боях,
Вахтанговску-песню держали
в зубах.
Ах, песенку эту донные поет
Невинная юность, веселый
народ.
Но песню иную о новых делах
Поем 10 лет мы и держим
в зубах.
Поем, опирая родные края,
Все. Таганка, Таганка,
Таганка моя...

Золотухин.
Мы песенку эту твердим
наизусть.
Откуда, вы скажете, некая
грусть?
Ответь, Ленинград и Ташкент
мне ответь –
Давно ль по-тагански
вы начали петь?

(Радио: «Демагогии, демагогии» Топот прекращается.)

Джабраилов. Сан! А кого ждет наша мать?

Сан. Пусть это будет для тебя секретом.

Маша. Просим прощены, господа. Один из самых уважаемых гостей еще не прибыл. Извините, пожалуйста.

Межевич. Нам некуда торопиться.

Сан. Перед десятилетием я должен устроить тебе маленький вступительный экзамен (это сценарное обстоятельство – наше время, когда так скоропалительно разрешают спектакли). Я не знаю, кем ты стала, и это меня волнует. Смажешь ли ты, например, сыграть 12 «Сезунов» в месяц, не иметь ни одного выходного, днем репетировать «10 дней» по 6 часов, а ночью – «Антимиры», сможешь?

Джабраилов. А премия, зарплата?

Сан. Ничего нет. Зарплата – 85 руб. Сможешь?

(Радио: «Демагогии, демагогии»)

Соболев. А днем всех собирает Каштелян, измочает, как котят, откроет рот да как заорет: «Гамлет» вы здесь играть не будете!»

Бортник. Да! Обратите внимание: почему развалиаются другие театры? Только из-за артистов. Господа артисты с их дешевым трехпоеечным, как некоторые любят меня показывать, юриическим – роли дома не учат...

Антипов. Предлагаемые обстоятельства не освежают...

Жукова. А надо элементарно идти по-сковозному.

Межевич. Действие. Я вам, как дител, дольаю 10 лет действие великая отмечка. Без него вы не сумеете, вы не выдержите ваш эмоциональную штуку!

Бортник. Любой театр развалиают артисты. Любой театр. Я сам был артистом, я знаю. И роли играл, между прочим, побольше ваших.

(Гитара.)

Соболев.
Милый мой! Ты услышь меня.
Сколько лет стою я с гитарою,
Не глядя ж на меня хоть один
только раз,
Как на старого пня кинь хоть
несколько фраз.
Сколько массовых сцен!
Я играть в них так рад,
Если б глаз твой не съел мой
оставший талант.
Так поверь ты в меня хоть один
только раз.
Ярче майского дня
эпизод в десять фраз...

(Цыганщина. Ремзес-танец.)

Жукова.
Ох, напала, черт побери, грусть
весенне-летняя.
Расскажи, поговорю, гитара
десятилетняя.

Хор.
Эх, раз, наш рассказ труден для
широких масс.
Только для друзей театра и корреспондентов ТАСС.

Антипов.
С мог спшбу, как ветер, вас вот такою штукою:
Прогрессивный Петер Вайс
окшался сукою (букою). <...>

Маша.
Кем-то брошенный за печь
наш спектакль пылится.
Кто-то вздумал поберечь собственные лица.

Хор.
Эх, раз, вот те раз, больно зубы
рвут у нас.
Берегите ваши лица от таких
недобрых глаз!

Бортник.
Что за тени на плетень: коромысло – дышло!
И с «Живым» в тот грустный
день ничего не вышло. <...>

Золотухин.
Мы мчались, мечтая достичь
эскадрон
Известности, званий и главных
ролей.
Сезон занимался и падал
опять,
И Лондон в гастроли устал
к себе звать.
Но песню за песней играя
эскадрон
Смычками страданий по связи
времен,
Жива еще песня и льется, звеня...

Соболев.
Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе. Привет.
Пусть струится над твоей
избушкой
Тот таганно-несказанный свет.
Пишут мне, что ты, так тревог
По грядущей каверзной судьбе,
Помолясь строительному богу,
Новый суф зачала себе.
Ничего, родная, успокоюсь,
Это только тягостная бредь:
Есть пока что гордость
у пропойцы –
Ни к какому сроку не поспеть!
Я по-прежнему реальный
скептик
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб лет десять простоял
покрепче
Обжитой и старенький
наш дом.

Бортник. И все-таки я повторяю: именно господа артисты разваливают театр. Их неуверенность, сытость, тяжение одеяла на себя, неоспитанность, хамство – и вытирает форма... Идет просто гнилая форма.

Маша. А если в платье – то платформа.

Жукова. Блюди платформу, а содержание подтянется...

Антипов. Беру твою платформу на содержание.

Межевич. Действие. Я вам, как дител, дольаю 10 лет действие великая отмечка. Без него вы не сумеете, вы не выдержите ваш эмоциональную штуку!

Бортник. Любой театр разваливают артисты. Любой театр. Я сам был артистом, я знаю. И роли играл, между прочим, побольше ваших.

(Гитара.)

Соболев.
Милый мой! Ты услышь меня.
Сколько лет стою я с гитарою,
Не глядя ж на меня хоть один
только раз,
Как на старого пня кинь хоть
несколько фраз.
Сколько массовых сцен!
Я играть в них так рад,
Если б глаз твой не съел мой
оставший талант.
Так поверь ты в меня хоть один
только раз.
Ярче майского дня
эпизод в десять фраз...

(Цыганщина. Ремзес-танец.)

Жукова.
Ох, напала, черт побери, грусть
весенне-летняя.
Расскажи, поговорю, гитара
десятилетняя.

Хор.
Эх, раз, наш рассказ труден для
широких масс.
Только для друзей театра и корреспондентов ТАСС.

Антипов.
С мог спшбу, как ветер, вас вот такою штукою:
Прогрессивный Петер Вайс
окшался сукою (букою). <...>

Маша.
Кем-то брошенный за печь
наш спектакль пылится.
Кто-то вздумал поберечь собственные лица.

Хор.
Эх, раз, вот те раз, больно зубы
рвут у нас.
Берегите ваши лица от таких
недобрых глаз!

Бортник.
Что за тени на плетень: коромысло – дышло!
И с «Живым» в тот грустный
день ничего не вышло. <...>

Золотухин.
Мы мчались, мечтая достичь
эскадрон
Известности, званий и главных
ролей.
Сезон занимался и падал
опять,
И Лондон в гастроли устал
к себе звать.
Но песню за песней играя
эскадрон
Смычками страданий по связи
времен,
Жива еще песня и льется, звеня...

Соболев.
Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе. Привет.
Пусть струится над твоей
избушкой
Тот таганно-несказанный свет.
Пишут мне, что ты, так тревог
По грядущей каверзной судьбе,
Помолясь строительному богу,
Новый суф зачала себе.
Ничего, родная, успокоюсь,
Это только тягостная бредь:
Есть пока что гордость
у пропойцы –
Ни к какому сроку не поспеть!
Я по-прежнему реальный
скептик
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб лет десять простоял
покрепче
Обжитой и старенький
наш дом.

Бортник. И все-таки я повторяю: именно господа артисты разваливают театр. Их неуверенность, сытость, тяжение одеяла на себя, неоспитанность, хамство – и вытирает форма... Идет просто гнилая форма.

Маша. А если в платье – то платформа.

Жукова. Блюди платформу, а содержание подтянется...

Антипов. Беру твою платформу на содержание.

Джабраилов. Что же они с тобой сделали, сынок, сынок родной?

Бортник. Неужели вы так облениились, что не можете элементарно сыграть реминисценции? Поразительно, как всегда актеры, именно актеры... <...> Развлавать театр я не дам.

Она. И я не дам.

Он. И я не дам.

Соболев. Умри, но не давай. <...>

(Радио: «Тик-так, тик-так...»)

Золотухин.
Я не знаю, зачем мы
становимся старше,
Кто вернет нам азарт
баснословных годов?
Это так бесшабашно
как в траурном марше
Проиграть «Пугачева»
под скоп топоров
И никто не дозумался просто
жить по-сковозному,
Позабыть каботинство,
надпесость забыть
Под кубом и кран-балкой
прожить, словно дому.
Пока ангел не стукнет,
пока, мол, с копыт
(Марш из «Матери».) <...>

Она. Эй, вы! Спели бы что-нибудь, развлекли бы гостей!

Золотухин.
Долго ль мне... долго ль мне
играть на сцене
То с кубом, то с топором.
И как фраер предпоследний
Ждать, не свалится ль подъем.
Не в отечественном МХАТе,
Не в вахтанговском гнезде.
Поведал мне, знать, создатель
Или здесь, или нигде...

Хор. За старинной таганской
стеной
Молодой коллектив пытовал.
От пред публикой, как пред
судьбой,
10 лет сверхзадачу решал.

Джабраилов.
О всевышний Бертольд,
дай мне право
Еще несколько лет проиграть
И, достигнув вершин
нашей славы
Потюнсоку Париж посещать?

Все. Париж! Париж!..<...>

Хор. Все мы тут, как в
охотничьей ворде
Все стремимся эпоху догнать.
И пускай у нас тихая «Зоря»,
Но, однако, не тихая «Мать».

Все. Послушайте! Послушайте!

Золотухин *(с чашкой)*:
Послушайте! Ведь если ЭТО
открывают –
Значит, ЭТО кому-то на вкусу?
Значит, кто-то хочет, чтобы
ЭТИ были?
Значит, кто-то называет ЭТО –
искусством?
И, нарываясь на неприятности,
весь в мыле,
Врывается в кассу, где
администратор,
Плачет, льстит, обещает
сертификатные блаты,
Просит – хоть висячий!
только в ЭТОТ театр?!
Клянется: не перенесет
бесконечную скуку!
А после ходит спокойный,
глядит на всех нежно,
Говорит кому-то: «В Таганку
зовут. Пойдем-ку.
Звонили. Знакомый заплел».
Послушайте!
Ведь если ЭТО существует –
Значит, есть кто-то
НАДЕЖДЫ?
Значит, это необходимо,
чтобы каждый вечер
Под звездами загоралася
хоть один софит?

(Радио: «Демагогии! Демагогии») <...>

Бортник. Перестаньте шалить! Вы настолько охамели, что не заметили, как в вчера разделся, взял топор и играл с вами «Пугачева»! Актеры все готовы разваплить. А сам был актером. Как вы приходите в репетиции! Шалтай-болтайство. Балбесничество! Все принимается в штыки! Небось, в кино и текст изнудуть, и это – все в порядке! Здрасте. Ада Сергеевна. Почему вы вчера?. А хорошо. Или эти ваши бесконечные капуры... вот они где сидят у нас с директором!

(Радио: «Тик-так, тик-так...»)

Сан. А смогла бы ты повторить все сначала? А если тебя будут снова испытывать на прочность – не разбегутся ли твои поклонные дети?

(Радио: «Тик-так, тик-так...»)

Жукова. Дедушка! Спой что-нибудь!

Все. Спой, дед!

Межевич.
Поднявший меч на наш театр
Достоин будет худшей кары,
И я в жизнь его тогда
не пел и самой поминой
гитары.

(Топот.)

Золотухин.
Так сколько осталось нам быть
на земле?
А вдруг не удержимся больше
в седле?
А вдруг не останется вовсе
бойца,
Чтоб песню Таганки допеть
до конца.
Новые песни придумает жизнь.
Не надо, ребята, о песне
тужить.
Не надо, цыганка,
не надо, друзья...

Все. Таганка! Таганка!
Таганка моя!

Смехов.
Итак, проделан
10-километровый
Круиз, ищь марафон,
или там рейс.
Однако вечер наш –
еще не вечер весь,
Да и капустник, так сказать,
не залитован.
Возьмемте в руки же, друзья,
книжкад и вилку.
Покуюем это место,
перейдемте в то –
А там – раскуюем
шампанское бутылку
И заедим ее капусткой ВТО!

<...>

Межевич.
Итак, человек поздно.
(Но это только лишь
цветочки.)
Дай бог, то были лишь
цветочки.
Возьмемся ж за руки, друзья,
Возьмемся ж за руки, друзья,
Возьмемся ж за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке!..

(Занавес.) ■